

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН О ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ

В трудах по истории языкознания либо вообще ничего не говорится о Древнем Египте, либо его упоминают почти вне всякой связи с историей лингвистики, чаще всего, например, по поводу дешифровки египетских иероглифов. Это, разумеется, не случайно. В Древнем Египте не было «лингвистического учения», т. е. совокупности каких-либо теоретических положений о языке. Поэтому до нас не дошло ни языковых исследований, ни описания с точки зрения лингвистической каких-либо грамматических явлений, ни упоминания грамматических категорий, ни даже каких-либо грамматических терминов, хотя и существовали практические пособия для писцов или будущих писцов типа лексикографических справочников или толковников знаков письма.¹

Впрочем, в этом отношении немногим лучше дело обстояло и в других возникающих отраслях науки — математике, астрономии, медицине, ветеринарии, — о чем свидетельствуют довольно подробные и обширные справочники. Например, судя по математическим папирусам, которые представляют собой сборники иногда довольно сложных практических арифметических и геометрических задач, тенденция к абстрагированию еще только начала проявляться. Однако еще не утвердилось понятие абстрактного числа, не было математической символики, не было абстрактных понятий точки, линии, треугольника, круга, шара, фигуры, стороны и т. д.

В пособиях по медицине тоже можно обнаружить примеры проявления теоретического интереса к отвлеченным проблемам. Так, в медицинском папирусе Эберса впервые высказана общая теория возникновения болезней (нарушение деятельности сердечно-сосудистой системы), а в анатомо-хирургическом папирусе Смита исследован случай, имеющий без сомнения лишь теоретическое значение (смещение костей тела в результате падения человека с большой высоты на голову). В целом же и медицинские папирусы представляли собой перечни болезней, травм и конкретных способов их лечения.

Таким образом, даже в математике и медицине, развитие которых подталкивалось их большим практическим значением, нельзя найти научных трактатов, которые излагали бы сумму каких-либо теоретических положений или абстрактных предпосылок.

Можно думать, что отсутствие теоретических трудов, в частности касающихся языковых проблем, не является случайностью. Это, конечно, отнюдь не свидетельствует о «несклонности» египтян к абстрактным проблемам вообще, а связано, видимо, с тем, что абстрактное мышление, столь рано и ярко проявившееся у египтян в религии, мифологии и искусстве, еще только начало проникать в сферу научных знаний, причем прежде всего тех, которые основывались на отчетливых эмпирических результатах и возможности непрерывного сравнения этих результатов.

В области же языка отсутствие теоретического интереса к языковым явлениям определялось, по-видимому, также и относительной изолированностью Египта от других народов. До начала XVII в. до н. э., т. е. более чем в течение тысячелетия с момента создания египетского государства, территория Египта была вне досягаемости иноземных нашествий. Походы же египтян на юг и в Переднюю Азию носили весьма ограниченный характер и были направлены против небольших государств и племен, стоявших на столь низкой ступени развития, что и это не стимулировало изучения языка, хотя бы исходя из попытки сравнения. Строго говоря, египетские глаголы речи «говорить» (*dd*) и «вещать» (*mdw*) относились только к египтянам, остальные же «горностраницы» (т. е. чужеземцы) не «говорили», а «лопотали», «бормотали» (глагол *ʒꜥ*), что, как можно думать, по мнению египтян, зависело от неправильного положения языка во рту.

---

¹ Коростовцев М. А. Писцы Древнего Египта. М., 1962. С. 41–47.

Дело в том, что, хотя у египтян были разные слова для выражения понятия «язык» как физического органа и для понятия «язык» как способности говорить, они были уверены, что речь производится непосредственно языком и, для того чтобы научиться другому языку, следует просто изменить положение языка во рту, «перевернуть» его.² Разумеется, эта «теоретическая» предпосылка не сказывалась на практических методах изучения иностранных языков.³

Наконец, не было выработано и некоторых философских, в частности логических, предпосылок, которые тоже могли бы явиться стимулом для создания каких-либо теоретических исходных положений при изучении языка.

Все это не только не свидетельствует о существовании какого-либо «лингвистического учения» в Древнем Египте, но на первый взгляд даже о проявлении интереса к языку вообще. Но последний вывод был бы преждевременным, так как имеются довольно веские данные о возникновении интереса к языку в самые отдаленные времена египетской истории.

Например, определенное внимание к тайне происхождения языка и его значению существовало уже в древнейшую эпоху. Об этом свидетельствует известный «Мемфисский философско-богословский трактат», составленный около середины III тыс. до н. э.⁴ Он был создан ради утверждения превосходства Птаха, главного бога новой столицы объединенного Египта — Мемфиса, над божествами древнейшего религиозного центра Гелиополя. Последние (в том числе и бог солнца Атум) определяются лишь как «зубы и губы в устах Птаха, которые называют имя всякой вещи». Основными органами мироздания объявляется сердце (по египетским представлениям — средоточие мысли) и язык, т. е. речь, Птаха. Это положение подкрепляется ссылкой на то, что человеческие чувства (зрение, слух, обоняние) представляют материал для мысли, а уже речь выполняет замысленное («это язык повторяет задуманное сердцем»). Утверждается даже, что творец всего сущего всебог Птах «был удовлетворен, после того как он создал все вещи и все божественные слова». Учитывая полемический характер трактата, можно думать, что до выдвигания Птаха на роль общеегипетского бога творцом речи и «имени всякой вещи» считался главный бог Гелиополя Атум. Нет сомнения, что и в дальнейшем создание языка связывалось с деятельностью того бога, который по тем или иным причинам получал общегосударственное значение. Так, более чем через тысячелетие после составления мемфисского трактата фараоном Аменхотепом IV — Эхнатом (ок. 1400 г. до н. э.) создателем и властителем вселенной был провозглашен «солнечный диск дневной» Атон. Ему и было приписано, что он вкладывает речь в уста каждого младенца и наделяет народы разными языками.⁵

Но если создателями речи считались в Египте общегосударственные божества, то на всем протяжении египетской истории покровителем правильной устной речи, а также счета, меры, всех знаний считали изобретателя письма, «властителя книг», бога луны и мудрости Тота,⁶ почитавшегося в образах ибиса или павиана, а покровительницей искусства письма и счета — богиню Сешат. Любопытно, что Тоту приписывалось и осуществление таинственной возможности передачи того, что написано, с помощью звуковой речи.⁷

---

² Sauneron S. La différenciation des langages d'après la tradition égyptienne // Bull. Inst. française d'archéologie orientale. 1960. t. LX. P. 40–41. Автор приносит большую благодарность Вяч. Вс. Иванову, который при обсуждении доклада любезно указал автору на эту интересную статью.

³ Вопрос об изучении египтянами иностранных языков и о распространении египетского языка за пределами Египта подробно освещен М. А. Коростовцевым (указ. соч., с. 110–111) в гл. V («Египетская культура и окружающий мир»).

⁴ Sethe K. Dramatische Texte zu altaegyptischen Mysterienspielen. Leipzig, 1928.

⁵ Sandman M. Texts from the time of Akhenaten. Bruxelles. 1938. P. 93–96.

⁶ Нет сомнения, что сведения Платона, который в начале IV в. до н. э. побывал в Египте, что Тот «первый изобрел числа и счет, геометрию и астрономию, игру в шашки, игру в кости, а также и письмена», основаны на египетской традиции. Однако вряд ли к ней восходит его сообщение, что Тот выделил из потока речи отдельные звуки и создал «единую науку о многих буквах» — грамматику (Платон. Соч. Т. III, ч. 1. М., 1971. С. 29).

⁷ «Дает он, чтобы вещало письмо», — так определяется роль бога Тота в медицинском папирусе Эберса (Eb. 1.8): Grapow H. Grundriß der Medizin der alten Ägypter. V. Berlin. 1958. S. 530).

К таким мифологическим представлениям о языке мы можем вполне отнести слова В. Томсена, что это «свидетельства той притягательной силы, которую всегда имели такие проблемы для человеческого ума».⁸

Однако отсутствие каких-либо научных теоретических положений о языке и внимания к научно-теоретическим языковым проблемам не исключает того, что у египтян был совершенно определенный интерес к некоторым практическим задачам, близко связанным с языковыми проблемами, т. е. прежде всего с письмом и практическими потребностями обучения этому письму.

Учить будущих писцов правильно писать и выражать свою мысль в соответствии с правилами хорошего писцового тона — это задача писцов с момента возникновения египетской письменности. Об этом говорится в произведениях особого литературного жанра — поучениях, и об этом свидетельствуют многочисленные школьные упражнения.

Естественно, что многие правила письма и стиля основывались на определенном понимании и восприятии отдельных языковых фактов, что в сумме складывалось в какие-то представления, пока еще, правда, подсознательные, о некоторых явлениях языка. Поэтому как любая задача математических папирусов является ценным свидетельством о математических представлениях египтян, так и любой египетский текст (учитывая к тому же своеобразие египетского письма) может являться для исследователя источником сведений о языковых явлениях. Для иллюстрации приведем следующий пример. Известно, что в связи с особенностями своего письма (в частности, в связи с игнорированием в письме гласных) египтяне для правильного чтения использовали смысловые определители — детерминативы, которые ставились почти после всех знаменательных слов, написанных звуковым способом. Из того факта, что и после фразеологической группы следовал общий детерминатив, как после отдельного слова, можно сделать вывод о подсознательном ощущении египтянами того языкового явления, что фразеологические единицы стоят ближе к слову, чем свободные словосочетания. Такие мелкие примеры подсознательного восприятия некоторых языковых явлений можно было бы приумножить.

Внимание к языковым явлениям у египтян явно увеличивается с довольно точно определяемого времени, примерно с XVII–XVI вв. до н. э. До этого времени с момента появления письменных памятников египетский язык около полутора тысяч лет развивался как язык синтетический (это так называемые староегипетский и среднеегипетский языки). В указанный же выше период тип языка начал сменяться на аналитический, первый этап которого получил наименование новоегипетского языка. Эта смена, между прочим, характеризуется теми же особенностями, которые через тысячелетия и в иной семье языков имели место при переходе от народной латыни к романским языкам, например изменением фонологической системы, рождением артикля, появлением новых видов местоимений, увеличением числа и роли сложных глагольных конструкций с вспомогательными глаголами и т. п.

Хотя при переходе к новоегипетскому языку прежде всего изменился фонологический строй языка, древняя система египетского письма осталась прежней. По ряду причин она не была в состоянии отразить новшества в языке и многое скрывала под старой оболочкой. Перед египтянами встал совершенно конкретный вопрос, как в новых условиях правильно читать свои постоянно воспроизводимые классические и новоегипетские литературные тексты и, следовательно, как в письме следует отражать такое важное языковое явление, как естественное членение речевого потока.

В этом направлении египтянами был сделан любопытный шаг, впервые, пожалуй, отражавший уже не подсознательные, а вполне сознательные представления о делении речевого потока. Судить об этом позволяет графический прием, который египтяне стали использовать во многих литературных текстах с начала Нового царства, — так называемые «красные точки» над строкой, своеобразные семантико-синтаксические сигналы, которые указывали на членение текста на отрезки.⁹

⁸ Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М., 1938. с. 8.

⁹ Петровский Н. С. Проблема изучения синтагматики древнеегипетской речи // Ассириология и

Исследование выделенных «красными точками» отрезков показывает, что они иногда совпадали с простыми предложениями, т. е. с нашим синтаксическим членением речи. Однако таким отрезком могли быть и два простых предложения, связанные причинно-следственным отношением, и сложноподчиненные предложения. В свою очередь, от простых и сложных предложений «красными точками» могли отделяться такие элементы, как например некоторые виды определений, придаточных предложений, косвенных дополнений, обстоятельств. Отделяемый элемент речи мог состоять и из одного знаменательного слова и являться словосочетанием. Хотя египетское представление о членении потока речи иногда совпадает с нашим представлением о синтаксическом делении на предложения и члены предложения, оно имело свои особенности. Это видно на тех примерах, когда некоторые типы обстоятельств и косвенных дополнений не отделяются «красными точками», а составляют с предложением одно целое и, наоборот, когда в словосочетании зависимый член отделяется от независимого.

Следовательно, членение речевого потока египтянами нельзя считать грамматическим. Оно соответствовало их представлению о другом реально существующем делении речи на единицы, представляющие фонетическое и смысловое целое, т. е. на синтагмы.¹⁰ Принципы членения египетского текста на синтагмы с помощью «красных точек» или, точнее, «синтагматических точек» говорят о том, что эти элементы речевого целого являлись прежде всего единицами смысловыми, семантическими, синтаксический объем которых был различен и зависел от смысла высказывания и от стиля речи.

Осознание синтагматического членения речи свидетельствует также о главной особенности восприятия египтянами языковых явлений: от целого к его элементам.¹¹

При этом нет сомнения, что на практике египтяне хорошо выделяли предложения, слова и значимые части слов, на что указывают школьные упражнения.

В целом можно констатировать, что древние египтяне ощущали членение своего речевого потока прежде всего на элементы значимые, смысловые, а не грамматические. «Верхней границей» этого деления в восприятии египтян являлась та значимая единица, которую мы сейчас называем синтагмой. Синтагмой могло быть и отдельное слово, которое египтяне прекрасно различали.

Но, как известно, существует конечная, уже далее нечленимая значимая единица языка — морфема, которая обладает либо лексическим, либо грамматическим значением. Среди последних (служебных) морфем в египетском языке можно найти различные словообразующие и формообразующие аффиксы. Например, к префиксам можно отнести «приставочную согласную» каузатива, к суффиксам — так называемые «местоимения-суффиксы», к инфиксам — форманты различных глагольных форм. Можно привести пример и формообразующей глагольной флексии.

Представляется несомненным, что египтяне осознавали все значимые элементы речи, т. е. не только высшие значимые единицы — синтагмы, но и минимальные значимые единицы, которые мы сейчас называем морфемами, в частности четко выделяли служебные морфемы. На это указывают тщательность и повторяемость выписывания служебных морфем, о чем свидетельствуют прежде всего школьные упражнения, специально посвященные этому. Например, на одном новоегипетском остраконе дана таблица ограничения вспомогательного глагола «быть» с помощью местоимений-суффиксов для указания лица и числа.¹² При этом местоименно-суффиксные

египтология. Л., 1964. С. 116–127.

¹⁰ Ср. определение синтагмы Л. В. Щербы: «Фонетическое единство выражающее смысловое целое в процессе речи—мысли» (Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1935. С. 87).

¹¹ «Учение о словосочетании и учение о синтагме, — пишет В. В. Виноградов, — касаются разных сторон синтаксического строя языка и предполагают разный подход к языку: от элементов к целому (словосочетание) и от целого к элементам (синтагма)». (Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 247).

¹² Černý J., Gardiner A. Hieratic Ostraca. Vol. I. Oxford, 1957. Pl. VIII, 7.

морфемы выписаны в своеобразном порядке: после первых лиц обоих чисел следуют третьи лица, а затем вторые. Правда, в значительно более поздних школьных упражнениях в таких «парадигмах» глаголов местоимения-суффиксы расположены в привычном нам порядке. Подобные примеры свидетельствуют и о внимании египтян к классификации грамматических явлений.

Как мы считаем, подсознательное различие египтянами низших значимых единиц — морфем имело огромное практическое значение; оно легло в основу создания ими развитой подсистемы звуковых знаков в общей фонетико-идеографической системе их письменности. Звуковые знаки египетского письма по своей природе являлись графемами, передававшими консонантный состав морфем, т. е. консонантными морфемами.¹³ Как известно, морфемная система письма встречается у некоторых народов. С другой стороны, бывают консонантные виды письма в консонантно-фонемной форме. Но консонантно-морфемный вид фонографического письма пока можно обнаружить лишь у древних египтян. Консонантизм египетского письма был вызван прежде всего игнорированием гласных при письме. Поэтому древнеегипетское письмо необходимо включало в себя и семантическую часть — так называемые идеографические знаки. В целом египетское письмо можно определить как консонантное морфемно-идеографическое письмо. Такой характер письма, возникшего в конце IV тыс. до н. э. и разработанного в начале III тыс. до н. э., вполне соответствовал своеобразию египетского мышления в ту древнюю эпоху и уровню их подсознательных представлений о языковых и фонетических явлениях. Следует подчеркнуть, что не существует никаких данных, которые свидетельствовали бы о том, что египтяне различали отдельные звуки членораздельной речи — фонемы,¹⁴ но они выделяли, как и другие морфемы, простейшие морфемы, звуковая оболочка которых состояла из одного консонанта. На этом основании среди египетских консонантных морфем (наряду с дву-, трехгласными знаками) существовали одногласные знаки, которые неудачно определяют как египетский «алфавит». На самом деле эти знаки являлись простейшими консонантными морфемами, отражавшими один консонант, а не буквами, которые используются для графического обозначения фонем.¹⁵

Лишь для очень позднего времени истории Египта можно отметить возникновение интереса к материальной форме слов. Возможно, однако, что это уже связано с влиянием греко-римских воззрений. Так, например, на фрагменте демотического папируса римского времени (середина I в. н. э.) мы видим три разных слова, объединенных по признаку одинакового звучания.¹⁶

Ценным свидетельством возникновения интереса у египтян к звуковой стороне языка являются практические пособия для запоминания знаков письма. Как мы упомянули выше, у египтян была фонетико-идеографическая система письма. Это обстоятельство и сейчас позволяет рассматривать египетские знаки как со стороны идеографической (например, классифицировать их по внешнему виду), так и со стороны звуковой. Именно эти две возможности восприятия своего письма можно обнаружить у древних египтян, хотя и в очень позднее время. Первый подход проявился в «Папирусе знаков из Таниса» (II в. н. э.).¹⁷ От этого справочника знаков дошло свыше 200 иероглифов и соответствующих им скорописных иератических знаков. Они были сгруппированы по внешнему виду,

¹³ Петровский Н. С. Звуковые знаки египетского письма как система. М., 1978.

¹⁴ Вот почему сообщение Платона в диалоге «Филеб», что «некий Тот» первый выделил из потока речи отдельные звуки, нет оснований связывать с египетской традицией (ср. выше, прим. 6).

¹⁵ Нет сомнения, однако, в том, что сама возможность передачи одного звука могла быть воспринята как идея алфавита древнесемитическими племенами Синайского полуострова в XIII–XII вв. до н. э., которые создали свои буквы под влиянием внешних форм египетских иероглифов. Затем эти буквы восприняли финикийцы, и, по-видимому, в X–IX вв. до н. э. финикийский алфавит был заимствован греками, которые приспособили его к нуждам своего языка, в частности использовали некоторые буквы для передачи гласных.

¹⁶ Erichsen W. Eine ägyptische Schülübung in demotischer Schrift. København, 1948. S. 10.

¹⁷ Griffith F. Ll., Petrie W. M. F. Two hieroglyphic papyri from Tanis. I. The sign papyrus (a syllabary), by F. Ll. Griffith. London, 1889.

т. е. сперва идут знаки, изображающие человека, затем — животных, птиц и т. д. Краткие пояснения к знакам определяли их смысловые значения.

Иной характер носило другое пособие по изучению знаков, так называемый «Иероглифический словарь» (I в. н. э.).¹⁸ Судя по сохранившимся фрагментам, знаки в нем были не только расположены по звуковому принципу, но при их толковании обращалось внимание и на звуковую сторону.

Примерно то же самое можно сказать и о возникновении у египтян представления о лексическом составе своего языка. Интерес к нему диктовался, разумеется, чисто практическими целями. Свидетельством этого являются лексикографические справочники.¹⁹ Так же как и справочники по медицине и математике, они появились в конце Среднего царства (ок. XVIII в. до н. э.), т. е. когда были накоплены знания за более чем тысячелетнюю историю египетского государства. Пособия по лексике не были ни толковыми словарями, ни переводными словарями, а представляли собой большие перечни слов в целях их запоминания и правильного написания. Поэтому их сейчас справедливо называют ономастиками.

Представляется, однако, любопытным, что слова в них были уже сгруппированы по классам предметов. В так называемом «Рамессейском ономастиконе» (конец Среднего царства), содержащем перечень 323 слов, все слова были разбиты на следующие группы: виды масел, птицы, рыбы, растения, животные, нубийские крепости и верхнеегипетские города, сорта хлебных изделий, виды зерна, части тела, фрукты, виды домашнего скота.²⁰

Составленный в период Нового царства (в конце XII в. до н. э.) «Ономастикон Аменемопе» сохранился в нескольких списках, из которых самый полный так называемый «Московский словарик». В нем перечислено более 600 слов, распределенных по следующим группам: небо, вода, земля, двор царя, должности, занятия, племена и народы, люди, города Египта, постройки и их части, земельные участки, напитки и пищевые продукты.²¹

До нас дошли фрагменты и других древнеегипетских словников, но и приведенных примеров достаточно, чтобы сделать общий вывод, что ономастики представляли собой еще не словари, а каталоги названий предметов. Как справедливо отметил выдающийся египтолог и лингвист А. Гардинер, издатель указанных выше древнеегипетских ономастиков, «когда они (египтяне, — Н. П.) говорили о «словах», они никогда не ссылались на их «значения», они скорее предпочитали концентрировать внимание на «вещах» и их «именах»». ²² В связи с этим следует сказать, что у египтян еще не было выработано понятия «значение», в частности «лексическое значение» (не было поэтому и слова, отражающего это понятие), т. е. и в области лексики еще не существовало некоторых абстрактных предпосылок, которые могли бы явиться теоретическим фундаментом для научного описания лексики египетского языка. Таким образом, совершенно ясно, что языкознание в Древнем Египте не выдвинулось в самостоятельную дисциплину и вообще не было создано (и не могло быть создано) каких-либо теорий языка. Еще не встал вопрос о физиологии звуков, не было попытки классифицировать части речи или выделить члены предложения, словосочетания и т. д. И тем не менее внимание и интерес к языку у древних египтян проявились не только в мифологических представлениях о происхождении языка.

Огромный запас позитивных сведений о языке неминуемо вызвал к жизни представления, часто подсознательные и своеобразные, о самых разнообразных явлениях языка.

Можно ли дать определение такой стадии в отношении истории развития лингвистики? Вероятно, определение «ненаучный», или «донаучный», период

---

¹⁸ Iversen E. Papyrus Carlsberg Nr. VII. Fragments of a hieroglyphic dictionary. København, 1958; Петровская В. И. Древнеегипетский толковник письменных знаков и «Иероглифика» Горуполлона // Ассириология и египтология. Л., 1964. С. 105–115.

¹⁹ Перепелкин Ю. Я. К вопросу о возникновении энциклопедии на Древнем Востоке // Труды Ин-та книги, документа и письма. Л., 1932. Т. II. С. 1–13.

²⁰ Gardiner A. H. Ancient Egyptian Onomastica. Vol. I. Oxford, 1947. P. 6–23.

²¹ Ibid., p. 24–63.

²² Ibid., p. 4.

не соответствовало бы действительности. Как мы видели, многие представления древних египтян были вполне научные с современной точки зрения (например, о делении речевого потока, о возможности классификации египетских слов и знаков письма и т. д.) и легли в основу их языковой практики, а их общий подход к языку (от целого к элементам) и стремление к систематизации явлений языка заслуживают особо пристального внимания. Наряду с этим совершенно очевидно, что еще не возобладала тенденция рассмотреть эти явления с точки зрения каких-либо теоретических и абстрактных предпосылок, чему были глубокие причины.

Такой этап лингвистической мысли можно определить как «протолингвистический», подразумевая под этим ту стадию накопления языковых фактов и представлений, за которой непосредственно следует первая стадия уже вполне развитого лингвистического мышления, с характерными для него попытками философской и грамматической интерпретации фактов языковой действительности.

К сожалению, нам ничего не известно о непосредственном влиянии древнеегипетских «протолингвистических» представлений на представления древних греков и затем на грамматиков Александрийской школы, хотя, как мы отметили, уже Платон приписывал египтянам выделение отдельных звуков речи и создание «грамматики» в понимании того времени.

Можно, однако, полагать с большой долей вероятности, что, как и в других возникающих науках, влияние Египта в этой области тоже было ощутимо. На это косвенно указывают такие практические аспекты этого влияния, как заимствования египетских слов греческим языком,²³ изучение греками египетского языка, египетско-греческое двуязычие в Египте в эллинистическую эпоху, переводы и пересказы египетских литературных произведений на греческий язык, несомненное влияние египетской традиции на создание Александрийской библиотеки и т. д., которые совершенно очевидны и не требуют доказательства.²⁴

Думается, однако, что главный вывод о значении некоторых представлений египтян о языковых явлениях, которые можно реконструировать, заключается не в этом. Они сами по себе представляют значительный интерес для истории языкознания, так как позволяют представить ту ступень языкознания, которая обычно скрыта у других народов либо из-за отсутствия собственной письменности, либо из-за огромного влияния языка, письменности и представлений иноязычного народа.

---

²³ Ернштедт П. В. Египетские заимствования в греческом языке. М.-Л., 1953.

²⁴ Эти вопросы подробно изложены в гл. VI («Египет и греки») книги М. А. Коростовцева (указ. соч., с. 112–113).